

УДК 340.15

DOI: 10.24412/2076-9113-2026-262-16-23

М. А. Гусарова

Российский университет спорта «ГЦОЛИФК»,
Москва, Российская Федерация,
gusarovathebest@mail.ru

**ИСТОКИ РУССКОГО ПРАВОСОЗНАНИЯ
В ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЕ ДРЕВНЕЙ РУСИ
И РАННЕМ РУССКОМ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ**

Аннотация. В статье рассматривается становление особенностей русского правосознания на заре российской государственности. Проанализированы факторы, стимулировавшие сращение нововведений, связанных с рецепцией византийских норм, и народных обычаев и идеологием восточнославянских племен в Древней Руси и раннем русском Средневековье. На основе анализа церковно-светских источников права, литературы, устного народного творчества и философов рассматриваемого периода делается вывод о формировании инвариантных основ русского правосознания, коррелирующих с ментальностью русского народа и оформленных в систему посредством христианской идеологии. Среди них: патриотизм, почтение к традициям и братству, коллективистские и патерналистские установки правосознания, отождествление права с властью и государством, обобщенный образ воина-защитника Родины и иные. Эти феномены сохранились в недрах отечественной правовой культуры, обеспечивая ее воспроизводство и развитие.

Ключевые слова: правосознание; правовая культура; русское правосознание; Российское государство; христианство; византизм; патернализм; коллективизм; этатизм.

UDC 340.15

DOI: 10.24412/2076-9113-2026-262-16-23

М. А. Gusarova

The Russian University of Sport «GTSOLIFK»,
Moscow, Russian Federation,
gusarovathebest@mail.ru

**THE ORIGINS OF RUSSIAN LEGAL CONSCIOUSNESS
IN THE LEGAL CULTURE OF ANCIENT RUS'
AND THE EARLY RUSSIAN MIDDLE AGES**

Abstract. The article examines the formation of the features of Russian legal consciousness at the dawn of Russian statehood. The factors that stimulated the fusion of innovations related to the reception of Byzantine norms and folk customs and ideologies of East Slavic tribes in Ancient Russia and the early Russian Middle Ages are analyzed. Russian Russian

legal consciousness Based on the analysis of ecclesiastical and secular sources of law, literature, oral folk art, and philosophemes of the period under review, a conclusion is drawn about the formation of invariant foundations of Russian legal consciousness, correlating with the mentality of the Russian people and shaped into a system through Christian ideology. Among them: patriotism, respect for traditions and brotherhood, collectivist and paternalistic attitudes of legal consciousness, identification of law with power and the state, generalized image of a warrior defender of the Motherland and others. These phenomena have been preserved in the depths of the national legal culture, ensuring its reproduction and development.

Keywords: legal consciousness; legal culture; Russian legal consciousness; Russian state; Christianity; Byzantinism; paternalism; collectivism; statism.

Введение

В современных российских социокультурных и политико-правовых реалиях, когда остро стоит проблема укрепления государственности, повышения уровня общественной солидарности как способов обеспечения внешнего и внутреннего суверенитета, обращение к истокам формирования отечественного правосознания является весьма актуальным. Поскольку воспроизводство правовой культуры возможно преимущественно за счет элементов, находящихся в ее ядре, именно правосознание как центральный элемент правовой культуры обеспечивает гармонизацию процесса преемственности традиций из поколения в поколение, а также поддержку инноваций в областях, прямо или косвенно связанных с правом. Особенность правосознания состоит в том, что оно опосредует сферы общественного сознания, формируется под влиянием государственно-политических, социальных, экономических, культурных факторов и в этом смысле может считаться метаюридическим феноменом, требующим междисциплинарного подхода [6].

Сразу оговорим: на протяжении всего периода существования Российского государства отечественное правосознание формировалось под влиянием многообразных факторов, однако поскольку в данной статье речь пойдет о раннем периоде Российского государства и права, внимание будет уделено преимущественно христианизации Руси как ключевому фактору. Анализ же так называемого туранского элемента в российской правовой культуре, обоснованного евразийцами, оставим для последующих исследований.

Основное исследование

Итак, ключевым фактором, оказавшим влияние на формирование правосознания нового типа на заре отечественной государственности, явилось крещение Руси и длительный процесс христианизации общества, охвативший все сферы, включая правовую жизнь. Этот процесс происходил в условиях разложения первобытнообщинной формации и начала феодальной, минуя рабовладельческий строй. К моменту принятия христианства Русь уже была сложившимся

сильным государством в Восточной Европе, а восточные славяне уже вполне обособились от западных и южных славян, составив этнос со своей культурой и вектором развития. Поэтому к IX–X вв. «молодое русское государство уже имело два важных слагаемых — феодальные отношения и государство... Однако государственной идеологии как системы не было» [2, с. 8–10]. Как известно, до принятия христианства князь Владимир Святославович предпринимал попытку унификации пантеона славянских богов в надежде на построение единой общеславянской идеологии, однако данная реформа не принесла желаемого результата. Философ, историк и этнограф Л. Н. Гумилев отмечал, что политике крестившегося князя Владимира Святославовича препятствовала конкурирующая киевская партия во главе с языческой знатью, поэтому выбор веры был не просто решением в пользу более «удачной» религии, но прежде всего ответом на проблему противостояния сил и интенций, поиском веры, коррелирующей с обычаями и традициями этноса. Так, по мнению Гумилева, на фоне роста пассионарности славянско-русского этноса, его стремления к государственности, освоению новых земель, культурному развитию при сохранении основ ментальности именно христианство в его восточной версии отвечало потребностям растущего государства [3, с. 55–57]. И. Н. Экономцев также пишет о стоявшей перед славянско-русским этносом проблеме самоопределения, выбора между Востоком и Западом как движущем факторе принятия именно восточного христианства и византизма как образца государственности [12, с. 46–47]. Нельзя не заметить, что данная пассионарная интенция, опознающаяся в перманентном поиске своего пути развития, амбивалентности традиций и инноваций, споре между западниками и славянофилами сохраняется и в наши дни.

Как отмечается в исследованиях проблемы византийского влияния на русскую культуру, «православие, начавшее обособляться в христианстве в X в. и ставшее в XI в. уже исторической реальностью, явилось фактором культурного единения Киевской Руси с Византией и с другими странами той же религиозной ориентации (Болгария, Сербия), а также испытывавшими влияние византийской культуры» [2, с. 19].

Отечественный историк и антрополог В. П. Алексеев среди факторов, обусловивших политико-правовую реальность, в данный период выделяет вечевой уклад, который играл роль «махового колеса в политическом строе Древней Руси» [1, с. 4]. Деятельность веча, по словам этого автора, «обнимала законодательство, суд, администрацию и международные отношения, вечу принадлежала власть законодательная и исполнительная» [1, с. 62]. Вечевой порядок был проявлением свободы и равенства, однако с приходом татар на юге Руси этот институт постепенно сходит на нет, трансформировавшись в другой институт — Земский собор, имеющий в своей основе уже более высокую с точки зрения государственности форму социальной коммуникации — народное представительство.

Отечественный историк И. М. Собестианский на основании исследования памятников права у славянских народов отмечал, что у всех славян присутствовал

и эффективно функционировал институт круговой поруки — коллективной ответственности родовых союзов. Ученый писал, что в Русской Правде упоминается о солидарной ответственности вервей, которые «старее самой княжеской власти и вовсе не были учреждены князьями для уплаты вир и исполнения известных полицейских обязанностей» [10, с. 220]. С появлением государства и приходом христианства институт круговой поруки трансформировался и обрел духовное значение в идеалах братства и взаимопомощи.

Отдельного внимания заслуживает вопрос о византийском влиянии на русское сознание в целом и правовое сознание в частности. Так, К. Н. Леонтьев отмечал, что византийская культура, пришедшая вместе с крещением Руси, принесла в российское сознание комплекс идей в четырех основных областях жизни: религиозной, государственно-политической, нравственно-философской и художественно-эстетической. В религиозной сфере византизм отразился в христианстве восточного направления, в государственно-политической — в идее самодержавия и кесаризма. В нравственной философии византийское влияние опознавалось в идеализации духовной культуры, ориентации на поиск нравственного идеала, приоритете вечного над временным. В художественно-эстетическое сознание византизм принес стили, воплощающие небесную красоту в земных вещах [8, с. 144–145]. Византизм затронул и правовую систему Руси. Элементы византийского права, попав на благодатную почву молодого развивающегося русского государства, дали свои плоды в скором времени. Отвлеченная юридическая идея, по словам Леонтьева, «обрела себе плоть и кровь в царских родах, священных для народа. Родовое монархическое чувство, этот великорусский легитимизм, был сперва обращен на дом Рюрика, а потом на дом Романовых. Родовое чувство... нашло себе главное выражение в монархизме... приняло государственное направление» [8, с. 159]. Нетрудно заметить, что данный феномен, раскрывшийся в патернализме, этатизме и связанном с ними патриотизме, является сильной политико-правовой идеологемой и в настоящее время. И даже с приходом власти Советов, при смене исторических условий, данная идеологема сохранила себя в российской правовой ментальности в качестве инвариантного элемента правовой культуры.

Что касается института церкви на раннем этапе формирования отечественного государства, то она «являлась частью феодального строя, обладая значительной экономической силой, собственными сферами юрисдикции и права» [11, с. 3], осуществляла ряд важнейших функций во внутригосударственной жизни — распространение просвещения и образования, идеологической поддержки власти. Во внешней политике Киевская митрополия способствовала росту дипломатических связей между Русью, Византией и иными христианскими и нехристианскими государствами. Первые сборники церковно-юридических норм — «Кормчие книги» («Кормчие списки»), составленные на Руси в XI–XII вв., — содержали переработанные и адаптированные к отечественным реалиям нормы византийского права. Н. В. Калачов в своих исследованиях отмечал социокультурную значимость «Кормчих книг» для формирования

системы русского права и правовой культуры данного периода и подчеркивал динамичность их содержания в зависимости от территориальных и политико-правовых условий [7]. Помимо норм византийского права, «Кормчие книги» включали и аскетико-мистические философские произведения, правила Вселенских и поместных соборов, символ веры (образ веры), регламентируя церковную и светскую жизнь. В их состав также входили некоторые княжеские нормы относительно церкви и духовенства, административной, правовой и просветительской деятельности, ценности и нормы брачных и семейных отношений, в частности моногамного брака, индивидуальной семьи и христианских идеалов в брачно-семейной жизни. Но, пожалуй, самым важным социальным моментом можно считать, что в «Кормчих книгах» были артикулированы антисоциальные поступки, подлежащие судебному наказанию и общественному порицанию. Нормы этих книг частично вошли в состав кодифицированных актов: «Закона Судного людям» и «Правды Ярославичей», — а также использовались самостоятельно вплоть до XVII в., например в некоторых аспектах гражданского и уголовного законодательства в случаях отсутствия регулирующих норм позитивного права или дополнения к ним. Таким образом, в исторических условиях, когда разделение между светской и церковной властью еще не было четким и иерархичным, имели большой вес догосударственные организации, такие как общины и большие родовые семьи, был силен вечевого уклад, закладывался фундамент русского правосознания.

Еще одной сферой культуры, посредством изучения которой можно отследить живой процесс формирования российского правосознания, является литература. В ранний период российской государственности литература, включавшая различные жанры (летопись, слово, поучение, плач, беседа, послание и др.), отображала представления об обществе и его институтах, государстве и праве. Анализ литературного творчества Киевской и Московской Руси свидетельствует о доминировании религиозно-этических ценностей общественной жизни, коллективистских установок в вопросах ответственности народа и власти за мир и порядок в обществе и государстве; апелляциях к идеалу правды и справедливости в качестве естественно-правовых начал отечественного законодательства; патерналистских установках и идеалах любви народа к Отечеству [5]. И конечно, главным проводником этих идей было христианство с его идеей линейного развертывания мировой истории, перспективой царства Божьего, победой сил Света над силами тьмы. В первых философско-правовых трудах (например, в «Слове о Законе и Благодати» митрополита Илариона) крещение Руси рассматривалось как судьбоносное, поворотное в истории нашего государства событие, а христианская вера — как путь к духовному возрождению и единству русского народа.

Примат коллективистских начал над индивидуалистскими, опосредованный византийским идеалом, также проявил себя в том, что в литературе (преимущественно в летописях) периода XI–XVII вв. и обычные люди, и государи представляются с точки зрения безусловных, абсолютных добродетелей.

Д. С. Лихачев справедливо отмечал, что искусство феодализма на Руси в центр внимания помещает человека не самого по себе, а как представителя какой-либо страты с соответствующими ей качествами: «Князь оценивается по его “княжеским” качествам, монах — “монашеским”, горожанин — как подданный или вассал» [9, с. 45]. Иными словами, в литературе Древней и средневековой Руси формируются представления о чести и достоинстве (в сословном ракурсе), которые были закреплены в нормативных актах. Как известно, в «Правде Ярославичей» поругание чести представителей разных сословий наказывалось по-разному. Кроме того, как отмечает Лихачев, в литературе данного периода отражается светлый образ русского правителя и его дружины. Главная обязанность и добродетель князя, по мнению ученого, состояла в том, чтобы быть заступником народа от внешних врагов и блюсти справедливость внутри страны. Особенно значимым качеством считалась «совещательность» князя, который должен быть «думать думу с дружиной, совещаться с народом» [9, с. 79–83]. Главная же добродетель вассала состояла в сохранении верности князю. В летописях XI–XIII вв. идеал правителя был неотделим от идей патриотизма: добрый князь всегда готов встать за Отчизну, выступить против недругов, «мстить обиды», при этом патриотизм «был не просто долгом, но и убеждением тех русских князей, образы которых рисовали летописцы положительными чертами» [9, с. 88]. Что касается княжеской чести и славы, то она, по словам ученого, определялась по роду: если дед был славен, то и отец, если отец — то и сын. Эта значимость родовой политики, чести, традиции рода осознавались и хранились самими правителями земли Русской. Народное же признание князь мог заслужить только своими делами.

Что касается устного народного творчества: мифов, былин, сказок, преданий, возникших в догосударственный период отечественной истории, — то влияние на них византизма также привело к внешним метаморфозам без изменения базовых культурных идеологем. Речь идет об обобщенном образе воина-драконоборца, идее дружбы, братства и взаимопомощи, святости связи поколений между собой, символике цвета, которые с принятием христианства трансформировались в идею святости рода и связи поколений, христианские идеалы единства народа и светлый образ правителя [4].

Результаты исследования

Подытоживая сказанное, отметим, что X в. в русской культуре можно, используя терминологию К. Ясперса, назвать осевым временем, поскольку принятие христианства на Руси в его восточной направленности стало именно тем интегративным и коммуникативным фактором, благодаря которому политические, культурные и экономические связи Киевской Руси стали еще более прочными и отечественное государство сделало смелые шаги к централизации. Благодаря христианству и византизму как культурной модели российское государство обрело собственную правовую идеологию, включающую

синхронизированный образ права и морали, любовь к Отечеству, почтение к власти и значимость традиций, передающихся из поколения в поколение. Философско-правовые идеалы приоритета вечного над временным, общего блага над частными интересами, в том числе и в правовой жизни, прочно внедрились в российское правосознание в качестве инвариантных элементов. Как показал опыт, благодаря этим объединяющим идеям Российское государство не только противостояло внешним угрозам, но и сохраняло, несмотря на изменяющиеся исторические условия, внутренний суверенитет.

Список источников

1. Алексеев В. П. Народовластие в Древней Руси // Народ, обычай и власть у древних славян / сост. С. Э. Ермаков. М.: Вече, 2024. С. 3–82.
2. Введение христианства на Руси / отв. ред. А. Д. Сухов. М.: Мысль, 1987. 302 с.
3. Гумилев Л. Н. От Руси к России. М.: РГ-Пресс, 2024. 320 с.
4. Гусарова М. А. К вопросу о мифологических истоках образов права и власти в отечественной правовой культуре // Философия права. 2025. № 2 (113). С. 17–23.
5. Гусарова М. А. Образ права и власти как отражение правовой культуры в литературном наследии XI–XVII вв. / М. А. Гусарова, Н. П. Кисенко // Общество: философия, история, культура. 2023. № 12 (116). С. 30–36.
6. Гусарова М. А. Правосознание как социокультурный феномен. Майкоп: Магарин О. Г., 2017. 196 с.
7. Калачов Н. В. О значении Кормчей в системе древнего русского права. М.: Университетская тип., 1850. 212 с. (репринт. изд., 2025).
8. Леонтьев К. Н. Византизм и славянство: сб. ст. М.: АСТ; Хранитель, 2007. 571 с.
9. Лихачев Д. С. Человек в литературе Древней Руси. М.: АСТ, 2024. 288 с.
10. Собестианский И. М. Круговая порука у славян по древним памятникам их законодательства // Народ, обычай и власть у древних славян / сост. С. Э. Ермаков. М.: Вече, 2024. С. 83–285.
11. Щапов Я. Н. Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси в XI–XIII вв. М.: Наука, 1978. 291 с.
12. Экономцев И. Н. (игумен Высокопетровского муж. мон. Иоанн) Православие. Византия. Россия: сб. ст. М.: Христианская литература. 1992. 230 с.

References

1. Alekseev V. P. Narodovlastie v Drevney Rusi // Narod, obichay i vlast' u drevnikh slavyan / sost. S. E. Ermakov. M.: Veche, 2024. 228 s.
2. Vvedenie khristianstva na Rusi / отв. red. A. D. Sukhov. M.: Misl, 1987. 302 s.
3. Gumilyov L. N. Ot Rusi k Rossii. M.: RG-Press, 2025. 320 s.
4. Gusarova M. A. K voprosu o mifologicheskikh istokakh obrazov prava i vlasti v otechestvennoj pravovoy kulture // Filosofiya prava. 2025. No. 2 (113). S. 17–23.
5. Gusarova M. A. Obraz prava i vlasti kak otrazhenie pravovoy kultury` v literaturnom nasledii XI–XVII vv. / M. A. Gusarova, N. P. Kisenko // Obshhestvo: filosofiya, istoriya, kultura. 2023. No. 12 (116). S. 30–36.
6. Gusarova M. A. Pravosoznanie kak sotsiokulturny fenomen. Majkop: Magarin O. G., 2017. 196 s.

7. Kalachov N. V. O znachenii Kormchey v sisteme drevnego russkogo prava. M.: Universitetskaya tip., 1850. 212 s. (reprint. izd., 2025).
8. Leontiev K. N. Vizantizm i slavyanstvo: sb. st. M.: AST; Khranitel, 2007. 571 s.
9. Likhachev D. S. Chelovek v literature Drevney Rusi. M.: AST, 2024. 288 s.
10. Sobestiansky I. M. Krugovaya poruka u slavyan po drevnim pamyatnikam ikh zakonodatelstva // Narod, obichay i vlast' u drevnikh slavyan / sost. S. E. Ermakov. M.: Veche, 2024. S. 83–285.
11. Shchapov Ya. N. Vizantiyskoe i yuzhnoslavyanskoe pravovoe nasledie na Rusi v XI–XIII vv. M.: Nauka, 1978. 291 s.
12. Ekonomtsev I. N. (igumen Visokopetrovskogo muzh. mon. Ioann) Pravoslavie. Vizantiya. Rossiya: sb. st. M.: Khristianskaya literatura. 1992. 230 s.

Статья поступила в редакцию: 15.01.2026;
одобрена после рецензирования: 15.02.2026;
принята к публикации: 05.03.2026.

The article was submitted: 15.01.2026;
approved after reviewing: 15.02.2026;
accepted for publication: 05.03.2026.